

0- 785054

Заведующий
Михайлов
с просьбой
КРОЗ Марина Константиновна
на автореферат
автор

На правах рукописи

КРОЗ Марина Константиновна

ТРЕТЬЕ ЛИЦО В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

Специальность 12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2001

Диссертационная работа выполнена на кафедре гражданского и трудового права
Самарской государственной экономической академии

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Хохлов Вадим Аркадьевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Мозолин Виктор Павлович
кандидат юридических наук, доцент
Хмелева Татьяна Ивановна

Ведущая организация: Самарский государственный университет

Защита состоится 25 января 2002 года в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д – 212.239.03 в Саратовской государственной
академии права по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Саратовской государственной
академии права.

Автореферат разослан «3» января 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Баринов Н.А.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000580964

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Потребности развития экономических отношений в РФ порождают необходимость тесного взаимодействия, интеграции участников. Это приводит к появлению в правовой действительности большого числа сложно организованных правовых связей, характеризующихся как наличием многоуровневой структуры прав и обязанностей, так и сложностью субъектного состава. Особенно широко указанные правовые связи распространены в праве обязательственном, которое регулирует наиболее динамичные общественные отношения.

Современная практика правоприменения показывает тесную взаимосвязь отдельных обязательств, взаимообусловленность одних обязательственных отношений другими. В силу этого большое теоретическое и практическое значение приобретают исследования подобных сложно организованных правоотношений, изучение их внутренней структуры и характера связи участников. Однако указанная проблема включает в себя большое число аспектов, нуждающихся в отдельном, самостоятельном исследовании. Автор же настоящей работы ставит перед собой цель выявить и рассмотреть правовую природу только тех гражданско-правовых обязательств, которые отличаются участием в них дополнительных субъектов – других (третьих) лиц.

До настоящего времени в отечественной цивилистической науке, в том числе и дореволюционной, не было проведено ни одного комплексного исследования проблемы участия третьих лиц в обязательстве. Речь идет именно о едином, системном анализе обязательственных связей, основанных как на договоре, так и на гражданском правонарушении, в которых участвует третье лицо. И хотя в литературе, посвященной проблемам обязательственного права, можно встретить отдельные высказывания, касающиеся характеристики правового положения третьего лица конкретного обязательства, например регрессного, все они не

Таким образом, можно констатировать, что в науке гражданского права понятию “третье лицо” не уделено должного внимания. Между тем и в текстах нормативных актов, и в актах правоприменения данный термин употребляется довольно часто, и при этом он нередко обозначает совершенно различные по своей природе правовые явления. По нашему мнению, подобное положение значительно обедняет российскую правовую науку, усугубляет терминологическую неопределенность и создает трудности в изучении отдельных обязательственных отношений с участием третьих лиц.

В силу этого комплексное и всестороннее изучение вопросов участия третьих лиц в обязательстве отвечает современным потребностям российской правовой науки и правоприменительной практики.

Степень разработанности темы. В отличие от зарубежной правовой науки, проблема участия либо влияния третьих лиц на чужие обязательственные связи не рассматривается в российской цивилистике в качестве самостоятельной научной проблемы. Это выражается в том, что в отечественной правовой литературе можно встретить работы, затрагивающие лишь отдельные вопросы, связанные с темой данного исследования. К подобным работам относятся прежде всего труды

дореволюционных российских цивилистов, посвященные представительству (А.М. Гуляев, Н.О. Нерсесов), договорам в пользу третьего лица (А. Бардзкий, А. Нолькен, Ю. Дубовицкий), а также труды некоторых современных ученых (О.А. Красавчиков, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский). Однако следует подчеркнуть, что ни один из названных авторов не создал целостного учения о третьих лицах в гражданском праве и не дал законченной характеристики форм и способов их участия в гражданских правоотношениях.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью данной работы выступает, прежде всего, типизация различных гражданско-правовых связей и выработка на этой основе понятия третьего лица в обязательстве, исследование форм влияния других лиц на чужое обязательственное отношение, отграничение обязательств, осложненных подобным влиянием, от отношений, в которых третье лицо участвует в качестве самостоятельного субъекта.

Задачами диссертационного исследования является решение вопросов:

- понимания третьего лица в гражданском праве;
- установления форм участия третьих лиц в обязательстве;
- изучения условий появления в гражданско-правовом обязательстве дополнительного субъекта – третьего лица;
- определения природы участия третьего лица в обязательстве;
- отграничения третьих лиц в действительном смысле этого понятия от всех иных третьих лиц, косвенно влияющих на движение чужого правоотношения;
- понимания ответственности за других (третьих) лиц;
- классификации обязательств с участием третьих лиц.

Методология исследования. Автором настоящего исследования при написании работы применялись следующие общенаучные методы:

- 1) системный и функциональный анализ – для определения роли и места третьего лица в обязательстве;

- 2) исторический метод – для выявления исторических предпосылок формирования отношений с участием третьих лиц, а также этапов эволюции таких отношений;
- 3) лингвистический метод – для установления понятия обязательства и др.

В работе также использовались и некоторые частноправовые методы, например формально-юридический, структурно-правовой и др.

Теоретическую базу данного исследования составили труды виднейших представителей как дореволюционной, так и современной отечественной цивилистической мысли: М.М. Агаркова, В.А. Белова, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, О.А. Красавчикова, Л.А. Лунца, Д.И. Мейера, Н.О. Нерсисова, И.Б. Новицкого, В.К. Райхера, В.А. Тархова, Г.Ф. Шершеневича и других ученых.

Научная новизна работы. В настоящем диссертационном исследовании впервые в науке гражданского права подвергаются комплексному анализу вопросы участия третьего лица в обязательстве, а именно:

- дается определение понятия “третье лицо” в его материально-правовом значении;
- выявляются характерные признаки отношений, осложненных участием либо влиянием третьих лиц;
- устанавливаются формы вмешательства третьего лица в обязательства сторон;
- проводится разграничение понятий “участник”, “сторона”, “субъект” обязательства;
- определяется правовое положение третьего лица;
- вырабатываются критерии классификации форм участия третьих лиц в обязательстве, а также осуществляется сама классификация подобных форм;
- излагаются конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Положениями, выносимыми на защиту, являются следующие:

1. Усложнение структуры правовых связей происходит под воздействием увеличения экономических потребностей общества. При этом оценка правовых отношений, в том числе осложненных участием третьих лиц, должна проводиться при помощи правовых, а не экономических критериев.
2. Согласие попечителя на совершение сделки подопечным является особой формой влияния третьего лица на чужое обязательственное отношение.
3. Вступление любого субъекта в гражданско-правовое обязательство предопределяется наличием у него собственного имущественного (неимущественного) интереса. Сущность интереса третьего лица раскрывается посредством анализа правоотношений, входящих в состав сложного обязательства.
4. Среди субъектов гражданско-правового обязательства необходимо различать основных участников правоотношения – кредитора и должника - и дополнительных – третьих лиц. В силу этого термины “субъект” или “участник” обязательственного отношения по своему содержанию шире понятия “сторона” обязательства.
5. Третьим лицом в гражданско-правового обязательстве является его участник, связанный производным правоотношением с одной из сторон данного обязательства и обладающий соответствующими правами и обязанностями. Таким образом, третье лицо – самостоятельный субъект гражданского правоотношения, правовой статус которого отличен от статуса должника либо кредитора гражданско-правового обязательства.
6. К обязательствам, осложненным участием третьих лиц, в узком смысле этого понятия относятся лишь обязательства, исполняемые третьим лицом, договоры в пользу третьих лиц и случаи договорной ответственности за других (третьих) лиц. Во всех иных отношениях (при поручительстве, банковской гарантии, представительстве, уступке права требования и переводе долга, эвикции,

посредничестве, в регрессном обязательстве и отношении внедоговорной ответственности) имеет место только косвенное вмешательство или влияние других лиц на движение чужого для них правоотношения. Таких субъектов можно обозначить как «третьи лица» в самом широком смысле этого понятия.

7. В отличие от третьих лиц в узком значении третьи лица в широком смысле не являются участниками рассматриваемого правоотношения, они не обладают правами и не несут обязанностей, составляющих его содержание. Их правовое положение определяется тем, что данные лица занимают место либо должника, либо кредитора иного обязательства. В связи с этим участник представительства, традиционно обозначаемый как третье лицо, в действительности является стороной (должником либо кредитором) конкретного обязательственного отношения, связывающего представителя и представляемого, а также представляемого и любого иного субъекта обязательства.

8. Ответственность за третьих лиц в гражданском праве – это ответственность за правонарушение, а не вину другого лица. Подобный вид ответственности также нельзя отнести к случаям безвиновной ответственности.

9. Под ответственностью за третьих лиц мы понимаем возложение на должника дополнительных обязанностей либо лишение его определенных благ в силу совершения третьим лицом, на которое возложена обязанность исполнить обязательство или принять его исполнение, правонарушения, повлекшего нарушение обязательства сторон. Ответственность за третьих лиц всегда является ответственностью договорной.

10. Ответственность родителей, опекунов, попечителей за правонарушение, совершенное подопечным, представляет собой ответственность за свои, а не чужие противоправные действия (бездействие). В силу этого текст п.п. 1, 2, 3 ст.1073, п. 2 ст. 1074, п. 1 ст. 1076 ГК следует изменить, подчеркнув, что родители (усыновители, опекуны, попечители, учреждения) отвечают за вред, причиненный

малолетним (несовершеннолетним, недееспособным), если не докажут, что вред причинен подопечным не по их вине.

11. К случаям ответственности за третьих лиц также нельзя отнести и «ответственность» поручителя и гаранта. Отвечая за должника основного обязательства, последние выполняют тем самым свою собственную обязанность, вытекающую из договора, заключенного ими с должником. Поэтому соответствующие положения гражданского закона, например, ст. 363 ГК, следует применять с учетом того, что поручитель (гарант) не отвечает за должника, а исполняет свои обязанности перед кредитором.

12. Разделение форм участия третьих лиц в обязательстве осуществляется:

- во-первых, в зависимости от особенностей правовой природы этого обязательства - на договорные и внедоговорные;
- во-вторых, в зависимости от правового положения, занимаемого третьим лицом в данном обязательстве – на отношения, в которых третье лицо выступает на стороне кредитора, и на отношения, в которых третье лицо участвует на стороне должника;
- в-третьих, в зависимости от характера правовой цели (каузы) данных обязательств. В этом смысле существуют обязательственные отношения, в которых доставление благ третьему лицу составляет их цель, и обязательства, целью которых является перемещение благ от одной стороны к другой.

13. Пункт 2 ст. 406 ГК необходимо изложить в следующей редакции: “Просрочка кредитора дает должнику право на возмещение причиненных просрочкой убытков, если кредитор не докажет, что просрочка произошла по обстоятельствам, за которые ни он сам, ни те лица, на которых было возложено принятие исполнения, не отвечают”.

14. Следует исключить из п. 1 ст. 1081 ГК уточнение, относящееся к должнику регрессного обязательства, т.е. слова “работником при исполнении им служебных,

должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.”

Личный вклад автора состоит в том, что в диссертационном исследовании впервые на монографическом уровне подвергаются изучению вопросы участия третьего лица в обязательстве, дается критический обзор русской и зарубежной литературы, посвященной данной проблеме, делаются обобщающие выводы о статусе третьего лица в гражданском правоотношении, а также предлагаются соответствующие изменения в действующее гражданское законодательство.

Практическая значимость исследования состоит прежде всего в возможности применения полученных диссертантом выводов для совершенствования современного российского гражданского законодательства и практики разрешения судами споров, связанных с участием в обязательственных отношениях третьих лиц.

Представленная работа также может стать основой для дальнейшего исследования проблем обязательственного права, в частности вопросов субъектного состава обязательства, влияния одних обязательств на другие, вмешательства третьих лиц в обязательство. Результаты данного исследования целесообразно использовать и при проведении учебных занятий по гражданскому праву со студентами юридических учебных заведений.

Апробация результатов исследования. Основные положения настоящего диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры гражданского и трудового права Самарской государственной экономической академии, являлись предметом выступлений автора на научных конференциях, в том числе всероссийских (Первая научная конференция молодых ученых Самарской области, посвященная 70-летию Н.И. Коняева, “Актуальные проблемы частноправового регулирования”, Всероссийская научно-практическая конференция “Проблемы разработки и реализации социальных технологий в регионах”, Третья Всероссийская научно-практическая конференция “Проблемы

совершенствования механизма хозяйствования в современных условиях” и др.). Полученные автором выводы использовались также и при подготовке учебно-методических пособий по гражданскому праву, при проведении лекций и семинарских занятий со студентами Самарской государственной экономической академии и других самарских вузов.

Структура настоящей работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, и заключения.

Основное содержание работы

Во **Введении** излагаются причины, побудившие диссертанта обратиться именно к этой теме, определяются цели и задачи исследования, актуальность и новизна работы.

Первая глава диссертационного исследования (“Общие положения о третьих лицах в гражданском праве”) посвящена основным теоретическим проблемам определения понятия третьего лица в его материально-правовом значении.

В **первом параграфе первой главы** («Эволюция учения о третьих лицах в гражданском праве») рассматриваются вопросы развития представлений древних, по преимуществу римского, народов о характере субъектного состава правового обязательства. Автор прослеживает те исторические этапы изменения экономической, а вслед за этим и правовой действительности, которые претерпевали древние общества, прежде чем прийти к формальному, нормативному закреплению возможности участия в обязательстве сторон дополнительного субъекта – третьего лица. По мнению диссертанта, необходимость подобного исторического экскурса состоит в том, что изучение первых этапов становления самостоятельных сегодня обязательств позволяет увидеть их правовую общность и, следовательно, проанализировать эти

обязательства, применяя к ним единые научные подходы и методы. Таким образом достигается системность, комплексность диссертационного исследования.

Выявлению и анализу существующих в отечественной правовой науке концепции форм и приемов вмешательства третьих лиц в чужое для них обязательственное отношение посвящен **второй параграф первой главы** работы («Проблема классификации форм участия третьих лиц в обязательстве»).

В результате исследования автор приходит к выводу о том, что подавляющее большинство представителей цивилистической науки под третьим лицом понимают достаточно неопределенный круг субъектов гражданского права, относя к их числу, например, субъектов таких отношений, как представительство, уступка права требования, перевод долга, личные способы обеспечения исполнения обязательства (поручительство и банковская гарантия), регрессные обязательства, посредничество, исполнение обязательства третьим лицом, договор в пользу третьего лица и др.

Кроме того, в современной цивилистической науке отсутствуют и какие-либо определенные подходы, методы исследования функций третьего лица в обязательстве, причин его участия в чужом отношении, правовой природы связи третьего лица с одной из сторон гражданско-правового обязательства. В силу этого диссертант обращается к положениям науки гражданского процессуального права, представителями которой исследовались процессуальные аспекты понятия “третье лицо”.

Таким образом автор определяет основные, ключевые моменты, которые позволяют ему объяснить явление участия дополнительных субъектов в обязательстве. К таким моментам относятся: во-первых, интерес как гражданско-правовое явление, показывающее причину вступления лиц в обязательственные отношения, и, во-вторых, понятие сложного правоотношения, в рамках которого и участвует третье лицо. По нашему мнению, интерес третьего лица и наличие

сложных обязательственных связей образуют предпосылки вступления дополнительного субъекта в чужое правовое отношение.

Более детально проблема определения содержания и значения интереса в гражданском праве, а также строения сложных обязательственных связей исследуется в третьем параграфе первой главы работы («Предпосылки участия третьих лиц в обязательстве»).

По мнению диссертанта, интерес является своеобразным внутренним стимулом, мотивом вступления лиц в гражданские правоотношения. При этом интерес показывает существование определенной потребности, необходимость реализации которой и толкает субъектов к совершению юридически значимых действий. Таким образом, любое лицо, включая третье, участвуя в гражданском правоотношении, преследует цель удовлетворения своих собственных имущественных либо неимущественных интересов.

Следует заметить, что возникновение и реализация интереса третьего лица чаще всего связаны с его участием в различных правоотношениях, которые в целом образуют структурно сложные обязательства.

Под сложным же обязательством в гражданском праве мы понимаем определенную систему связей между субъектами, характеризующуюся наличием многоуровневой внутренней структуры, которую составляют обязательства в узком смысле (субъективные права и обязанности) и обязательства в широком смысле (договоры и внедоговорные обязательства). Именно в одном из таких обязательств в широком смысле и появляется дополнительный субъект – третье лицо. Ответу же на вопрос, в каких отношениях это третье лицо действительно участвует, а в каких лишь косвенно влияет на движение прав и обязанностей сторон чужого обязательства, посвящена следующая часть настоящего диссертационного исследования.

Во второй главе работы (“Отграничение обязательств с участием третьих лиц от других гражданско-правовых обязательств”) автор подвергает анализу

внутреннее строение, структуру таких традиционно обозначаемых в науке обязательств с участием третьих лиц, как: представительство, уступка права требования и перевод долга, регрессные обязательства, поручительство и банковская гарантия.

По мнению диссертанта, наиболее полно структура указанных обязательств видна при использовании единого подхода к их рассмотрению, который заключается в установлении обязательства, показывающего причину связанности двух отношений в одно сложное, и обязательства, в котором происходит перемещение материального блага от одного субъекта к другому с участием или без участия третьего лица.

Некоторые аспекты, связанные с определением правовой природы подобного сложного обязательства, были раскрыты в работах современного ученого В.А. Белова¹. Автор, применив конструкцию римской делегации, обозначил обязательства, входящие в состав данного правоотношения, в качестве отношений «валюты» и «покрытия». На наш взгляд, более понятным было бы наименовать первое правоотношение - отношением «причины», поскольку именно оно выступает основой появления последующих обязательств, и второе - отношением «исполнения», так как в рамках этого обязательства происходит перемещение материальных благ.

С этой точки зрения отношение гражданско-правового представительства, изучению внутреннего строения которого посвящен **первый параграф второй главы («Представительство»)** работы, образуют два взаимосвязанных обязательства. Первое (отношение «причины») возникает между представителем и представляемым и показывает источник появления у представителя прав и обязанностей (полномочия). Второе (отношение «исполнения») посредством действия представителя связывает представляемого и третье лицо – субъекта конкретного обязательства. Таким образом, каждый из участников отношения

представительства выступает стороной вполне определенного обязательства и к числу третьих лиц отнесен быть не может.

Традиционно же применяемая теория “внутренних” и “внешних” отношений представительства, как нам думается, не позволяет определенно разрешить проблему субъектного состава сложного обязательства, поскольку в соответствии с данной концепцией статус субъекта, прежде всего третьего лица, устанавливается необъективно и умозрительно – в зависимости от избранного объекта исследования. Так, например, по отношению к обязательству «представитель – представляемый» третьим лицом будет выступать сторона будущего обязательства. Если же рассматривать правоотношение представляемого и контрагента конкретного обязательства (купли-продажи, аренды и т.д.), то третьим неизбежно окажется сам представитель. В силу этого более правильно как с теоретической, так и с практической точек зрения считать отношение представителя и представляемого отношением “причины”, которое объясняет, почему один из названных субъектов участвует в другом обязательственном отношении – отношении “исполнения”.

Свое дальнейшее развитие изложенная концепция получила во **втором параграфе второй главы работы** (“Уступка права требования и перевод долга”). На примере отношений, возникающих при перемене лиц в обязательстве, автор показывает, что причиной появления отношения “исполнения” выступает имущественный или неимущественный интерес субъекта основного обязательства. Указанный интерес реализуется уже в рамках самого отношения “исполнения”, возникающего между представляемым и третьим лицом, новым кредитором и должником, и выражается в осуществлении прав и обязанностей, проистекающих из предыдущего обязательства.

Кроме того, в рамках этого отношения реализуется и правовая цель всего сложного обязательства. И именно в этом отношении (отношении “исполнения”)

---

¹ См., например Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М.: Учебно-консультационный центр

могло бы участвовать третье лицо. Однако проведенный анализ показал, что при уступке права требования так же, как и при переводе долга, никакого дополнительного субъекта не существует. Каждый из участников указанной правовой связи выступает стороной одного из двух обязательств (“причины” или “исполнения”).

Таким образом, непосредственное участие третьего лица в обязательстве предопределяется наличием у него собственных прав и обязанностей, отличных от прав и обязанностей сторон данного отношения. Следовательно, понятия “сторона” обязательственного отношения и “участник” обязательства не равнозначны. Последнее шире первого и включает в себя как понятие стороны, так и понятие третьего лица.

Указанные выводы используются автором для изучения структуры следующего сложного обязательства - регрессного, чему посвящен **третий параграф второй главы - «Регрессное обязательство»**.

Регрессное правоотношение традиционно в науке гражданского права понимается как отношение производное, поскольку основанием его возникновения выступают другие гражданско-правовые обязательства – отношения регредента и регрессата, кредитора и регрессата. В силу факта уплаты долга (получения исполнения) у регредента появляется право требования к регрессату о возврате уплаченного либо о получении присужденного ему по основному обязательству. Таким образом, в любом из названных трех отношений присутствуют две стороны – кредитор и должник. При этом следует указать, что первое правоотношение (между регредентом и регрессатом) является классическим отношением “причины”, показывающим, почему одно лицо выполняет чужую обязанность или принимает не следующее ему исполнение (это, например, трудовые, страховые, любые другие договорные отношения).

Второе обязательство, соответственно, представляет собой отношение “исполнения”, в рамках которого другое лицо выполняет обязанность должника перед кредитором основного обязательства. Однако указанное лицо вопреки традиционной концепции является не стороной этого отношения, а его участником – третьим лицом, правовое положение которого определяется, с одной стороны, статусом замещенного им субъекта, с другой - положением, занимаемым им в отношении “причины”.

Дальнейшее изучение структуры сложных гражданско-правовых отношений осуществляется нами на примере обеспечительных обязательств – поручительства и банковской гарантии в **четвертом параграфе второй главы** («Поручительство и банковская гарантия»).

Несмотря на различие законодательных конструкций данных обязательств, можно сделать вывод, что их внутренняя структура представляет собой связь двух правоотношений – должника и поручителя или гаранта, а также поручителя (гаранта) и кредитора. При этом нами отстаивается та точка зрения, что ни поручителя, ни гаранта нельзя признать исполнителями основного обязательства, т.е. третьими лицами в смысле ст. 313 ГК. Данный вывод основывается на том, что как с позиции теории, так и практики невозможно обязать поручителя, а равно и гаранта реально исполнить нарушенное или неисполненное должником обязательство, особенно если оно носит личный характер, состоит в несовершении каких-либо действий должником или доставлении индивидуально-определенной вещи.

Мы думаем, что и поручитель, и гарант при выполнении требований кредитора по основному обязательству исполняют тем самым свою собственную обязанность, вытекающую из их отношения с должником. Поэтому указанные субъекты не могут рассматриваться в качестве третьих лиц - они всегда являются сторонами определенного обязательственного отношения.

В связи с изучением правовой природы личных способов обеспечения исполнения обязательства в науке гражданского права возникла и еще одна теоретическая проблема. Она касается квалификации поручительства и банковской гарантии в качестве отношений ответственности за других (третьих) лиц. Однако мы считаем, что данные отношения не только не являются ответственностью за третьих лиц, но их нельзя признать и ответственностью вообще.

Это обуславливается следующим: во-первых, ответственность в цивилистической науке чаще всего характеризуется как неблагоприятные последствия, связанные с общественным осуждением поведения правонарушителя, государственным принуждением и применением правовых санкций. Общественное же осуждение лица возможно только в случае совершения им противоправного действия (бездействия). Поручитель, однако, так же, как и гарант, подобного противоправного действия не совершал. Основанием их “ответственности” выступает иной юридический состав – договор, регламентирующий порядок и условия выполнения поручителем либо гарантом требований кредитора, правонарушение самого должника.

Во-вторых, “гражданско-правовая ответственность” указанных субъектов не может заключаться ни в каких иных формах, как только в денежной, т.е. в форме возмещения убытков. Таким образом, требование о реальном исполнении нарушенного должником обязательства не может быть во многих случаях исполнено поручителем.

Таким образом, нам представляется, что применяемое гражданским законом, в частности в ст. 363 ГК, понятие ответственности поручителя и гаранта следует заменить на более точное – “выполнение требований кредитора” или “исполнение обязанности поручителя (гаранта)”.

Третья глава настоящего диссертационного исследования (“Формы участия третьих лиц в обязательстве”) посвящена вопросам непосредственного участия

дополнительных субъектов гражданско-правового обязательства, а именно проблемам отношений ответственности за третьих лиц, исполнения обязательства третьим лицом и договорам в пользу третьих лиц.

В первом параграфе третьей главы («Ответственность за третьих лиц») автор исследует само понятие ответственности за других (третьих) лиц, устанавливает его правовую природу, характеризует внутреннее содержание.

При этом диссертант выражает несогласие с существующей в научной литературе трактовкой данного вида ответственности как «ответственности за вину других лиц или за чужую вину». По нашему мнению, ответственность за третьих лиц не имеет ничего общего с ответственностью как за вину, так и независимо от вины, поскольку возложение мер ответственности на другое лицо не всегда связано с установлением факта виновного отношения правонарушителя к содеянному.

Таким образом, вина другого лица не может быть положена в основание гражданско-правовой ответственности. Ответственность за третьих лиц, как и любой другой вид ответственности, возникает в связи с совершением лицом гражданского правонарушения, содержащего все установленные нормой права элементы его состава. В силу этого более правильно, по нашему мнению, понимать под ответственностью за третьих лиц ответственность одного лица за правонарушение, совершенное другим.

Кроме того, автором не разделяется точка зрения об отнесении ответственности родителей, опекунов, попечителей и иных лиц, осуществляющих надзор за малолетними, ответственности владельца источника повышенной опасности, так же, как и ответственности юридического лица за действия (бездействия) своих работников, к видам ответственности за других, третьих, лиц.

Мы думаем, что во всех этих случаях имеет место обычная имущественная ответственность лица, собственные действия либо бездействия которого привели к нарушению субъективных прав и интересов других лиц. В силу этого, на наш

взгляд, представляется излишним законодательное указание на право владельца источника повышенной опасности предъявлять обратное требование к лицу, непосредственно причинившему вред, в частности управлявшему транспортным средством в момент возникновения вреда (п. 1 ст. 1081 ГК). Поскольку негативный результат явился следствием противоправного поведения как причинителя, так и владельца источника повышенной опасности, последний несет ответственность за совершенное им правонарушение, выступая надлежащим субъектом гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, по нашему мнению, внедоговорная ответственность всегда представляет собой ответственность за свои собственные противоправные действия.

Иное положение складывается в случаях ответственности договорной, т.е. ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение обязательства третьим лицом либо за просрочку принятия такого исполнения. Важность изучения указанного вопроса, а также связанного с ним вопроса о правовой природе исполнения обязательства третьим лицом, позволяет их рассмотреть в отдельном параграфе (второй параграф третьей главы «Исполнение обязательства и принятие исполнения обязательства третьим лицом. Ответственность за третье лицо»).

Следует отметить, что институт исполнения гражданско-правового обязательства третьим лицом является одним из наиболее неисследованных институтов российского обязательственного права. Прежде всего это выражается в том, что в науке и практике наблюдается отсутствие ясного представления о сущности данного института и о его связи с другими институтами отечественного гражданского права, в частности с представительством. Указанное положение привело к тому, что в нормах гражданского закона в качестве основания возникновения у третьего лица обязанности исполнить чужой долг выступают отношения поручения (ст. 406 ГК).

По нашему мнению, ошибочность данного подхода заключается в следующем: во-первых, этот подход полностью опровергает самостоятельность институтов гражданско-правового представительства, исполнения обязательства третьим лицом, некоторых институтов договорного права – поручения, комиссии и т.д. Во-вторых, он не соответствует правовой природе собственно отношений представительства и исполнения обязательства третьим лицом, поскольку представитель всегда действует от имени и в интересах представляемого, тогда как третье лицо – только в своем интересе. В-третьих, явные различия структуры отношений представительства и исполнения обязательства третьим лицом не позволяют их рассматривать в единстве. Как мы уже указывали, в представительстве отсутствует такой субъект, как третье лицо. Исполнение же обязательства третьим лицом, а соответственно, и принятие исполнения третьим лицом являются непосредственными формами участия третьих лиц в гражданско-правовом обязательстве.

Таким образом, по нашему мнению, из п. 2 ст. 406 ГК следует исключить положение об основаниях ответственности кредитора как несоответствующее сущности изучаемого института и, кроме того, дублирующее общую норму ст. 8 ГК.

Второй вывод, сделанный автором при изучении институтов исполнения и принятия исполнения обязательства третьим лицом заключается в том, что ответственность по ст. ст. 403, 406 ГК представляет собой ответственность за других, третьих лиц именно в узком, непосредственном значении этого понятия. Третьи лица по ст. ст. 313 и 403, 406 ГК – это не все иные, прочие, лица, о которых довольно часто упоминает гражданский закон и которые могут в тех или иных случаях оказывать влияние на правоотношения сторон, это участники обязательства договорного (ст. 313 ГК) либо внедоговорного (ст. 403 ГК).

Понятие “участие”, по нашему мнению, означает исполнение третьим лицом обязанностей и (или) реализация им прав, составляющих правовое содержание,

ткань определенного обязательственного отношения. И только таких лиц, которые непосредственно участвуют в обязательстве, по мнению автора, можно назвать третьими.

Понятие же влияния третьего лица на чужие обязательства существенным образом отличается от понятия участия. В обязательствах представительства, уступки права требования, перевода долга, регрессных обязательствах, поручительства и банковской гарантии можно наблюдать как раз подобное влияние, поскольку каждый субъект указанных обязательств выступает стороной конкретного правоотношения и только в предусмотренных законом или договором пределах вмешивается в чужое обязательство путем совершения действий, влекущих его движение.

В случаях же исполнения и принятия исполнения обязательства третьим лицом имеет место именно участие дополнительного субъекта.

В третьем параграфе третьей главы диссертационного исследования («Договор в пользу третьего лица») автор рассматривает еще одну форму непосредственного участия третьего лица в обязательстве – договоры в пользу третьего лица.

На основе проведенного анализа правовой литературы и законодательства делается вывод о том, что правовой статус третьего лица в подобных договорах определяется производным характером прав и обязанностей этого лица, их зависимостью от прав и обязанностей стороны данного правоотношения. “Самостоятельность” прав бенефициара выражается лишь в возможности реализовывать, а также защищать принадлежащие ему права, независимо от реализации и защиты прав основного субъекта – кредитора.

Вопреки общепринятому в науке мнению о том, что для возникновения прав третьего лица необходимо его согласие либо осуществление права, автором отстаивается позиция, в соответствии с которой моментом возникновения права третьего лица следует считать момент заключения договора. Это объясняется тем,

что согласие третьего лица, предъявление им требования к должнику представляет собой не акт вступления субъекта в обязательственное отношение, а акт осуществления третьим лицом своего права, т.е. реализации тех возможностей, которые в нем заложены.

Кроме того, автор выступает с критикой понимания права третьего лица в качестве разновидности секундарных прав, т.е. прав, которым не соответствует определенная обязанность. По нашему мнению, подобное право главным образом характеризует правовое положение не третьего лица – бенефициара, а кредитора. Право заменить получателя благ, предоставить благо другому лицу и есть то самое секундарное право, характеризующееся автоматизмом наступающих последствий.

Право третьего лица, таким образом, возникая непосредственно в момент заключения сторонами договора или наступления указанного в нем условия, конкурирует с правом кредитора заменить получателя благ либо по согласованию с должником изменить или вообще расторгнуть данный договор. Указанное право кредитора прекращается тогда, когда третье лицо – бенефициар выразит намерение осуществить свое право, что, по нашему мнению, полностью соответствует положениям ст. 430 ГК.

В завершение работы автор дает обобщающее понятие третьего лица, а также осуществляет классификацию форм участия таких лиц в обязательстве.

Заключение настоящего диссертационного исследования содержит выводы по существу работы и предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Список использованной литературы состоит из нормативных, научных, монографических, учебных источников.

**По теме диссертационного исследования опубликованы
следующие работы:**

1. Кроз М.К. Договор в пользу третьего лица // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 15. - Тольятти: ВуиТ, 2001. - 0,2 п.л.
2. Кроз М.К. Исполнение обязательства третьим лицом // Вестник молодых ученых СГЭА. – Самара, 2001. № 1. - 0,2 п.л.
3. Кроз М.К. К вопросу о значении интереса в гражданском праве // Вестник кафедры гражданского и трудового права: Проблемы развития гражданского права / Самарск. гос. экон. акад. - Самара, 2000. Вып. 1. - 0,2 п.л.
4. Кроз М.К. “Ответственность” гаранта и поручителя // Актуальные проблемы частноправового регулирования: Тезисы докладов I научной конференции молодых ученых Самарской области. - Самара: Самарский университет, 2001. - 0,1 п.л.
5. Кроз М.К. Правовое регулирование договоров в пользу третьего лица // Проблемы совершенствования механизма хозяйствования в современных условиях: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. - Пенза, 2001. Ч. 2. - 0,1 п.л.
6. Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве // Проблемы разработки и реализации социальных технологий в регионах: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 14 - 15 дек. 2001 г. / Самарск. гос. экон. акад. и др. - Самара, 2000. - 0,1 п.л.
7. Кроз М.К., Кроз В.М. Формы участия третьих лиц в договоре имущественного найма // Проблемы правового регулирования коммерческой деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 29 – 30 мая 2001 г. / Самарск. гос. экон. акад. и др. - Самара, 2001. - 0, 1 п.л.

Формат 60x84/16. Объем 1,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 263.
Отпечатано в Международном институте рынка.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

$$10 =$$